

DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-605-617

Билингвизм и жанровый синтез лирики Бахытжана Канапьянова

К.Б. Уразаева, Ш.К. Жаркынбекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва
Республика Казахстан, 010000, Астана, ул. Сатпаева, 2

Статья посвящена изучению художественного билингвизма — его природы, структуры — с учетом способов создания национальной картины мира. Исследование проблемы на материале лирического сборника Бахытжана Канапьянова «Вексаметры» создает возможность установления связи между жанровым синтезом его поэзии и традициями казахской мифологии, казахского фольклора, русских литературных традиций, в том числе футуризма и социалистического реализма, военной лирики и оттепельной культуры.

С использованием методов филологического, формального и комплексного анализа лирического текста описана модель художественного билингвизма, рассмотрена специфика философско-мировоззренческой системы мышления двуязычного поэта.

Исследование художественного билингвизма Канапьянова позволило выявить источники жанрового синтеза, базирующиеся на системе оригинальных авторских стратегий: синтез символических образов, метафоричности казахской мифологии и героико-романтического эпоса, силлабической метрики с поэтикой русского футуризма и тенденциями соцреалистического плана. Обобщены преобладающие мотивы, темы и лирические сюжеты поэзии Канапьянова. Выявлены признаки автобиографического жанра в сочетании с формой монолога и диалога с имплицитным читателем и миром. Охарактеризован хронотоп лирического мира Канапьянова. Исторические и культурные мифологемы в поэзии Канапьянова показаны с точки зрения социальных и национальных резонансных событий, установлена связь со стилизацией восточной традиции и гиперболой соцреалистического канона.

Полученные в работе результаты представляют практическую и теоретическую ценность для применения методик анализа художественного текста, изучения современной казахской русофонной литературы, для понимания специфики процессов межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: казахская русофонная поэзия, художественный билингвизм, национальная картина мира, Бахытжан Канапьянов, жанровый синтез

1. Введение

Известный казахстанский поэт, пишущий на русском языке, издатель, автор книг поэзии и прозы, вышедших в издательствах Казахстана, России, Украины, США, Великобритании, Канады, Кореи и Малайзии на более чем 20 языках мира, Бахытжан Канапьянов пишет: «Я — сторонник рафинированного восприятия культуры, языка. Каждый должен нести свой крест. Мой крест как поэта, издателя — нести зерна культуры, зерна взаимопонимания. Мне здесь ближе принцип Иосифа Бродского: “Поэт должен быть космополитом. Для него родина — вся

земля» [1. С. 8]. Это признание поэта объясняет присутствие в его книгах языков знаковых понятий, образов, мотивов, эмблематики культур народов мира. Но наиболее последовательно на мироощущении и поэтическом словаре Канапьянова сказан синтез двух культур: родной, казахской — с ее силлабикой, фольклорно-мифологической поэтикой и русской — с ключевыми концептами, архетипами, прецедентными именами. Для произведений Канапьянова характерен жанровый синтез. Его художественные тексты могут совмещать жанровые стратегии эпистолярного письма и документальной прозы, элегии и философской оды, высокого книжного слога и романтической ностальгии, социальную патетику плаката и пронзительное откровение исповеди.

Литературная судьба Канапьянова уже несла в себе предпосылки билингвизма. Первые поэтические произведения Бахытжана Канапьянова увидели свет на страницах республиканского журнала «Простор» в 1975 году. Окончание Литературного института было ознаменовано выходом трех поэтических сборников — «Ночная прохлада» (1977), «Отражения» (1979) и «Чувство мира» (1982). Другие его известные сборники: «Ветвь» (1985), «Линия судьбы» (1987) [9], «Аист над Припятью: стихи и проза» [2], «Кочевая звезда: стихи и поэмы» [6], «Горная окраина» (1995), «Время тишины» (1995), «Над уровнем жизни» (1999), «Тикшырау» (дословно: взлет, устремление) (2001), «Каникулы кочевья» (2003), «Плывут облака» (2003), «Смуглая Луна» (2006).

Канапьянов известен и как прозаик, сценарист и режиссер. Его проза представлена произведениями «Бахчисарай» [3; 4]; «Кофе-брейк» [5]; рассказом «Летний кинотеатр» и повестью «Светлячки» [1]. Не менее известен Канапьянов — переводчик казахского фольклора [6], поэзии средневековых поэтов-сказителей жырау казахской и восточной классики — А. Кунанбаева, Ш. Кудайбердиева, М. Утемисова, А. Байтурсынова, М. Жумабаева, С. Сейфуллина, Д. Джабаева, К. Азербаяева, С. Муканова, Н. Байганина, Кашагана, Н. Хикмета, И. Искандерова, О. Султанова.

Стихотворения Б. Канапьянова легли в основу музыкальных произведений: «Элегия» (муз. Насера Кульсариева); «Астана» (муз. Давида Тухманова). В 1995 году в Америке была опубликована книга Б. Канапьянова в переводе Петера Оресика «Время тишины» (1995 г.). Поэт пришел к английскому читателю благодаря Ричарду МакКейну, известному переводчику Н. Гумилёва, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Абая (через русские переводы).

Результатом общественной деятельности Канапьянова стало создание литературных объединений «Литературная Азия» и «Литературная Алма-Ата».

Поворотным в судьбе поэта было стихотворение «Позабитый мной с детства язык» (1986), ставшее причиной его гонений в последние годы Советской власти. О преследованиях поэта после опубликования в журнале «Простор» этого стихотворения повествуют статья Валерии Маричевой «Пусть это будет нашим секретом» в «Казахстанской правде» и книга В. Бадикова «Линия судьбы» [7] о поддержке поэта сотрудниками журнала «Простор».

Стихотворение посвящено известному казахстанскому скульптору, одному из авторов государственного герба Республики Казахстан Шоте Валиханову. Тема национальной идентичности, рожденная прозрением, осознанием прерванной/

утраченной связи с предками, народом и национальной культурой, когда родной язык осознается как ствол, соединяющий личность с ее корнями, не случайно зазвучала с особой остротой в годы перестройки.

В жанровом отношении стихотворение приняло форму обращения к имплицитному собеседнику. А поводом стало осознание происходящей национальной катастрофы, когда под флагом билингвизма, политизации вопросов этноса происходило размывание чувства гордости, этнической принадлежности. Знаковой является фигура имплицитного собеседника лирического героя, ведь Шота является потомком Чокана Валиханова, первого казахского путешественника, этнографа, философа, друга Ф. Достоевского. Шота Валиханов генетически принадлежит к той ветви казахов, представители которой генеалогией, судьбой, устремлениями, деятельностью воплощают идеи естественного интернационализма.

Лирический герой Канапьянова повествует о драме вынужденного отрицания корней, когда утрата родного языка становится символом утраты собственного лица, личностной идентификации.

Позабывтый мной с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.

Многоличие как следствие двуязычия и проявление нивелировки личности, сомнительное с точки зрения этических и духовных ценностей приобретение, становится фактом личной, частной и вместе с тем общей трагедии казахов.

Я пойму неизвестного мне
Уходящего аборигена,
Но, когда среди ночи во сне
Перед предком склоняю колено ...

Понимание как антиценность, выявившая для лирического героя его духовное и экзистенциальное одиночество, оборванную связь с предками, ставит героя перед дилеммой, требующей осознания истины и прозрения. Мифологический подтекст, структурированный мотивом сна, усиливает символику тишины как беспощадного времени откровения. Уподобление человека, отринувшего корни, «пришельцу из тяжкого плена», равнозначно враждебности, сниженной «усмешкой» предка: «Ты меня недостойная смена». Такой потомок недостоин доверия и веры. Произошедший распад личности — это приговор предка потомку, тишина словно метафоризирует невозможность оправдания для героя, делая очевидным признание его вины. Сознание и вера как оппозиционные категории, разделившие предка и потомка, — основание для метафизического приговора предка потомку.

В научном отношении инвективу стихотворения с явным политическим подтекстом можно сопоставить с теорией принципа кооперации и сопутствующей максимы, которые вместе регулируют обмен информацией между лицами, участвующими в коммуникативном процессе. Так, Грайс в контексте данной теории

разработал систему максимумов и условий, при которых эти максимумы могут быть нарушены [8]. По убеждению ученого, эти нарушения объясняют появление импликатур в коммуникативном событии. Например, когда говорящий говорит о том, что кажется несущественным, можно предположить что, если говорящие продолжают наблюдать за коммуникативным событием, он действительно намерен сообщить что-то важное, но делает это неявно, т.е. имплицитно. Целью Грайса было установить набор общих принципов с целью объяснить, как пользователи языка передают косвенные (indirect) значения в коммуникативном событии (так называемые диалоговые импликатуры, т.е. подразумеваемые значения, которые должны быть выведены из того, что сказано явно, на основе логического вывода). Не случайно стихотворение Канапьянова стало причиной его отстранения от общественной и литературной деятельности на какой-то период.

Актуальность настоящей работы обусловлена возможностью изучения природы и структуры художественного билингвизма на материале поэзии Бахытжана Канапьянова, позволяющей выделить закономерные для жанрового синтеза явления. Изучение философско-эстетических стратегий поэта создает возможность систематизации жанровых форм в лирике казахского поэта, выявление национального своеобразия и влияния русской литературной традиции на способы создания картины мира.

Целью статьи является выработка модели художественного билингвизма путем описания философско-мировоззренческих координат мышления, форм воплощения мышления и сознания двуязычного поэта. В связи с этим были использованы методы филологического, формального и комплексного анализа лирического текста.

Полученные результаты можно применить в курсах по истории анализа художественного текста, истории казахской литературы, межкультурной коммуникации. Предложенные выводы исследования заявленной проблемы способствуют восполнению лакунов в истории русской двуязычной литературы.

Особо следует выделить преимущества прагмалингвистического подхода, выработавшего механизм изучения аргументации. Так, в прагматодialeктическом подходе аргументация рассматривается как средство решения различия во мнениях о средствах критического обмена аргументационными действиями между двумя сторонами. В теоретической модели критического обсуждения указывается, какие аргументы на разных этапах обсуждения могут способствовать разрешению спора [10. С. 367—383]. Характер модели критического обсуждения объясняется следующим образом: «Теоретическая модель критического обсуждения диалектична, поскольку она основана на двух сторонах, которые пытаются разрешить разницу во мнениях средствами методического обмена дискуссионными движениями. Модель является прагматичной, потому что ход обсуждений описываются как речевые акты, так как высказывания формируются в конкретной ситуации и контексте» [9. С. 368]. Не случайно упомянутые работы ([9; 10]) в современной научной традиции являются основополагающими для изучения аргументативного дискурса [10].

Общественный резонанс стихотворения обусловлен верно выбранной поэтом стратегией иллюкативного воздействия на реципиента. В высказываниях с диа-

лектической аргументацией говорящий намеревается сделать свой тезис приемлемым по отношению к собеседнику в противовес демонстративным, где на первый план выходит достоверность информации. Поэтому такие доказательства относятся к неформальной аргументации, в отличие от формальной логической, так как воздействуют на мировосприятие реципиента. Таким образом, риторическую аргументацию следует относить к неформальной аргументации в персуазивном или убеждающем коммуникативном процессе, воздействующем на сознание реципиента [11. С. 1077—1115]. Так, риторическую аргументацию можно определить как коммуникативное умение доказательства, которое основывается на оценке картины мира реципиента и направляется на восприятие аудиторией.

2. Обсуждение

Лирика Канапьянова — это урбанистическая поэзия, испытавшая влияние номадического мышления. Если от казахского стихосложения в поэзии Канапьянова восприняты ритмический строй силлабики, то от русского футуризма унаследована четкость и плакатность акцентного стиха.

Категории памяти и совести приобрели у Канапьянова характер этических оценок времени. Устойчивость повторяющихся образов ребенка, сна, тропы (дороги), души, птицы, коней, отары, кобылицы, домбры объясняется национальными стереотипами, создающими чувство причастности автора к родной культуре. Определяющая роль фольклорно-мифологической символики, вызвавшей доминирование силлабических решений, типичных для казахского стихосложения, становится для поэта способом выражения национальной картины мира, мировоззренческих доминант, определяющих диалог лирического героя с миром. Вместе с тем открытость русской литературной традиции, культурному опыту мира обусловили в лирике Бахытжана Канапьянова жанровый синтез, симбиоз разных художественных стратегий.

Одно из проявлений билингвизма поэта, обусловившего его приверженность силлабике как эстетической стратегии выражения национального мироощущения, конструирования художественного мира, создания новых жанровых форм, привело к созданию понятия, ключевого для художественной системы Канапьянова. Это *векзаметры*, давшие название одноименному сборнику. Соединив стиховедческое понятие «гекзаметр» с многозначным «век», поэт создает оригинальный способ измерения отношений лирического героя, наделенного автобиографическими чертами, с миром. Форма личностного самоопределения в бытии коррелирует у поэта с масштабом и значимостью переживаемых им событий и переживаемого человеком кризиса, наступившего прозрения и понимания того, какова цена духовного спасения личности. Написанное силлабическим стихом произведение, программное для сборника, определило сквозной для книги образный ряд кочевников, батыров, романтизированных координатами номадического мышления.

Из хаоса в космос уходит векзаметр — вектор Вселенной.
Миф вплетается в явь — не раз угрожала Галлея хвостом,
Беспечность толпы на время сметала она. Исчезала... [12. С. 5].

Синтез воспоминания и философской лирики, использование анафоры создают идею исчерпанности времени, завершенности событий в стихотворении «Мальчик». Архетипы детства, дороги вводят типичный для всего творчества Канапьянова мотив диалога с двойником героя, его детством.

Высохли слезы, сгнил лист пожелтевший, а мальчик остался.
Птицы исчезли, скрылась лошадка, а мальчик в матроске
Стоит на обочине детства, взглядом меня провожая [12. С. 6].

Лирическая исповедь-монолог, социальная патетика и философское откровение обусловили жанровую стихию произведения «Мы на четверть видны были в жизни, на три четверти погружены». Итоговое произведение с выраженной социальной проблематикой тяготеет к онтологической лирике:

Ломка судеб, характера, голоса, ломка взглядов на время свое.
То, что было вне нашего возраста, заполнит все наше житье [12. С. 7],

вводит интонацию обобщения, автобиографическую откровенность монолога, когда слияние лирического героя, поэта с его временем и поколением — это знак его мира.

Для композиционной организации стихотворения «Черный ворон» характерна функция повтора. Иерархия смыслов: черный ворон как символ несвободы (с точки зрения реалий советской действительности), выстраивающийся в один ряд со звуковым образом («эхо мертвых площадей») и в аспекте фольклорно-мифологической семантики (как символ беды) противостоит метафоре коня. Этот образ из разряда номадического символического корпуса создает дополнительный смысл символически осмысленной свободы. Собирательность образа (косяк) реконструирует типичный для поэтики Канапьянова композиционный прием, основанный на оппозиции образов с положительной и негативной экспрессией. Образы «адовой метели» и «маленьких людей» сопоставимы с черным вороном, они определяют неявленный, неназванный круг несвободы и трагическую дихотомию, способ создания реминисценций — архетипа метели, трансформации ключевого концепта русской литературы, придания негативной коннотации понятию «маленькие люди». «Жаждa мессы», «орган души» не очень удачные образы с еще менее удачными топонимами Одесса и Магадан — как полярными образами свободы/несвободы — усиливают социальную патетику текста, выявляя неслучайность перехода лирического «мы» к «я», выравнивая их семантическое тождество.

В стихотворении «За Садовым кольцом горизонт расширяется мой» имплицитные герои создают коллективный портрет, в котором четко различимы следующие образы: отец-фронтовик, лирический герой, ночной прохожий, таксист, участковый, неизвестный малыш в окне. Так создается лирическое полотно повествования.

Обстоятельная среда лирического повествования создается особым хронотопом, несущим печать номадического стиля Канапьянова. Это решение хронотопа, когда прошлое, актуальное настоящее и грядущее фиксируют границы времени и вместе с тем его целостность — один из факторов жанрового синтеза,

слома, трансформации в поэзии казахского автора. Здесь военный текст заключен в рамку московского текста. Отсюда такой способ снятия лирического напряжения: поэтический синтаксис с его «рваной», прерывистой строкой использование функции многоточия как способа организации текста с подразумеваемым продолжением, риторическим в своей основе, оформленным в сакраментальной формулировке:

Ну, так заполняй многоточье!
За это,
За то,
И за то, что...

Поэт возвращает нас к началу текста, вводя философию горизонта. Горизонт становится знаковым понятием, символизируя судьбу, перспективу.

Особая жанровая группа рассматриваемого сборника обусловлена греческой темой. Античность не только линия жанра путешествий, путевых заметок в лирике Канапьянова, но и ракурс измерения и осмысления вечности. Эту группу можно назвать условно эмблематичной, поскольку эмблематика европейской античности (Гомер, Эллада, Акрополь) создает не только греческий слой в стихах казахского поэта, но и герметичный пласт метафорической образности, задающий импульс постоянству Вечности как философской, онтологической, мировоззренческой категории. На другом полюсе Вечности — как закона смены эпох — категория, измеряющая не только пространственно-временные отношения лирического героя с миром, но и этическая категория, базовая для поэта ценность, ориентир в потоке бытия. Так, в стихотворении «Даже если душа прикорнула, как спящий ребенок» [12. С. 14] антагонизм двух пространств: *вдаль* и *где-то там* трансформируется в полярные чувства: «тихое чувство» и «нелегкие заботы». В настоящем акцентирована оценочная экспрессия: «смутные дни» с их «политикой», «демонстрациями», «митингами». Социально мотивированным реалиям противопоставлена романтическая эстетика «серебряной нити», «одичалой листвы», «раскрытого окна».

Ключевое для поэтики сборника понятие гекзаметра, синтезирующего для поэта стиховедческий смысл с философским понятием «век» вызвало к жизни дистих «Летописец»:

Где гекзаметр жизни пролегал, спотыкаясь о запятые,
Там камень точкой предстанет — и строку навсегда оборвет [12. С. 15].

Поэтика заглавия также симптоматична для определения кредо поэта как свидетеля эпохи, фиксирующего для потомков и будущего историю настоящего. Мотив летописца советской истории возрождает и стихотворение «Метаморфозы» [12. С. 25]. В строках «По дневникам отца я букв латинских горечь ощущал», ставших ключевыми для воссоздания духа «первых пятилеток», очевидна ложная романтика соцреализма. Обличением героя становятся бараки, АЛЖИР, Карлаг, образы деда, родных, исчезнувшей половины аула. Орнаментальная поэтика стихотворения «Метаморфозы» словно повторяет декоративный узор ковра. Визуально прочерченная арабская вязь: «В орнаменте ковра есть что-то от арабской

книжной вязи» — условная картография Великого шелкового пути и городов, дервиша у костра и отражения звезды в его глазах — способы создания восточного колорита. Восточная орнаментальная поэтика и соцреалистический канон выявляют сущность исторических и ментальных метаморфоз.

Одно из программных стихотворений «Плач смуглой луны» [12. С. 26] создает исключительно напряженный драматизм ночи перед взрывом, картину атомного века. Плач смуглой луны с ее золотыми слезами и радиоактивного столба выливается в карту ядерных испытаний — Чернобыль, Дегелен не только знаки человеческой катастрофы, но и плоды человеческого преступления, безумия, провоцирующего личное безумие героя как отрицание жизни.

Чабанскую псиною взвить бы на звезды с родного холма
И — не сойти с ума.

Тема полигона, облаченная в диалог с Абаем, еще одно проявление жанрового синтеза (стихотворение «К Абаю») [12. С. 27].

Поэтика дискретных единиц, запечатлевающих основные ценности мироздания для степняка, характеризует стихотворение «Степь» [12. С. 28]. «Степь поила меня молоком кобылицы / Помню, полынью горчило оно» — здесь синтезируются вкусовые, зрительные ощущения героя. Следующее стихотворение «Поезд в степи. Тамбур. Я и окно» воспроизводит цепь слуховых и зрительных ассоциаций, рожденных темой степи. Жанровый синтез проявляется и в поэтике фонетических созвучий паронимов. Корреляция «планетарий/пролетарий» и рифма «гравий» задает поэтику жанровых сдвигов. Символика запятой как дискретного знака времени и точки как знака завершения определяет поэтику синтаксиса и метафору «строки» как поэтического труда и символику гекзаметра как бытийного явления.

В группе произведений, сконцентрированных вокруг темы детства, можно выделить разные жанровые векторы. Так, в стихотворении «Сквозь крыло стрекозиное мир выплыл, казалось, из детства» вновь, как в стихотворении «Вечность прошла, что помнишь, двойник мой...», образ мальчика — двойника зрелого поэта — поднимает философскую проблему истинного и ложного, подлинных ценностей и мнимых, незамутненного взора на мир и иллюзии, заблуждений. Дилемма: «Это я или мальчик стоит? — память скрепила соседство» — способ установить мост между прошлым и будущим, лирическим героем в прошлом и в настоящем. Проблема отражения: «Здравствуй, мое отражение далекого детского года» — определяет не только симметрическую композицию текста, но и компромисс героя с двойником, их единство. Характерна цикличность обращений: стрекозиное крыло превратилось в стекло, «что не переплавится в чье-то крыло» [12. С. 16].

Мотив двойника образует и композицию стихотворения «На мотив старых часов» [12. С. 27—28]. Состоящее из трех неравномерных частей, произведение вскрывает суть заблуждения: «...приходим туда, откуда бы надо начать», реализуя мотив драматического прозрения при помощи антитезы: начала спешки жить и «после спешки». Антитеза «прошлого» и «настоящего», «прошлого» и «грядущего», «веселья» и «грусти», лирического Я и его двойника осмыслена в ключе, про-

тивоположном названию «На мотив старых часов», когда категоризм оппозиций и сентиментально-ностальгическая поэтика оппонируют друг другу, создавая неразрешимое противоречие времен.

Подгруппу стихотворений о детстве как ностальгической поре гармонии с миром представляет стихотворение «Я родом из детства, где яблоки зноем налиты» [12. С. 38–39]. Здесь билингвизм как соединение мироощущения кочевника и человека мира: «Я родом из юрты» / «Я родом из мира» — тяготеют к философской или онтологической лирике, поскольку сквозным мотивом является экзистенциальная вина: «Смотрим с виною и болью на эти закаты».

В жанровой группе философской лирики Канапьянова хронотоп чаще всего становится способом приближения к истине. Так, в стихотворении «Ласточка» лаконизм строфической организации текста (катрен) приводит к вертикали пространства, сопоставимой со ступенями познания истины. Гнездо ласточки — зерно мироздания — и балкон героя — нижний слой бытия, тень от гнезда на балконе и рассвет создают дополнительный световой пласт. Пластика луча и рассвета с импрессионистической выразительностью подчеркивает таинство познания. Зашифрованность, отсутствие прямых оценок, суггестивная поэтика недосказанности, намеков и недоговоренности оттеняют место данной группы стихотворений на фоне социально выраженной, атрибутированной лирики.

Самостоятельную жанровую группу, демонстрирующую богатство жанровых решений, образуют произведения, содержащие реминисценции. Таков «Медный всадник», где метонимическая логика героя и его создателя синтезирует Москву и Петербург как два текста русской культуры [12. С. 18]. Символика меди и белых ночей, змеиного яда становятся константами времени и поворотных моментов истории.

Московская группа стихов Канапьянова также богата вариациями жанровых форм. «Дворик» [12. С. 19] построен на контрасте «дворика затерянного» и «державной Москвы», «жильцов» и «пророков в кумирах». Жанровый синтез обусловлен сентименталистской традицией и пафосной романтики. Антиномичность хронотопа — устойчивый фактор жанрового синтеза лирики Канапьянова. В стихотворении «На мотив старых часов» [12. С. 27–28] — это непримиримость понятий миг и бесконечность.

Мифология казахского фольклора и поэтика героизма — факторы жанрового синтеза. Таковы мотив жертвоприношения (ягненок кудрявый, как «будущая жертва»), семиотика прозвищ коней знаменитых батыров (Шайкуйрык, Тайбурыл, Маникер, Кокжорга). Особую роль играют экзотизмы для русского читателя: *мазар* (погребальное сооружение), *саркыт* (гостинец, доля угощения с праздничного или поминального стола), *кумыс* (слабоалкогольный, кисломолочный напиток из кобыльего молока) как опознавательные знаки национального мироощущения в стихотворении, написанном в форме диалога с современником («Вечность прошла, что помнишь, двойник мой...»), реализует идею духовной/метафизической слепоты: «От этих поминок в долине степной на века я ослеп» — как желания прозрения у современников, противопоставленных предкам их героическому прошлому.

В группе лирико-исповедальных стихов Канапьянова можно выделить экзотизмы, образующие структуру образности, переводя сюжетную картинку в притчу с ее формулой обобщения. Например, в стихотворении «Когда солнце начнет скрываться за гору» автор отказывается от силлабики как способа создания монументального эпического повествования. Двухчастная композиция: монолог влюбленного юноши, предложение «белой горлинке» свидания — сменяется *остранением*, обобщением: «Может, так назначали встречу влюбленные / В племени саков в былом» и устанавливает связь поколений через повторяемость события любви. Сравнение длины теней с копьями неупомянутых, но подразумеваемых батыров: «Когда лягут от елей на длину копья тени» — редукция, кодирующая в экономии метафорических средств богатство способов выражения.

3. Выводы

Итак, художественный билингвизм Канапьянова, ставший источником жанрового синтеза, характеризуется системой оригинальных стратегий: 1) синтез корпуса символических образов, метафорики казахской мифологии и героико-романтического эпоса, силлабической стиха со зрелищной, активизирующей визуальные и слуховые образы поэтикой русского футуризма; 2) духовно-этический подтекст мотивики стиха; 3) автобиографический характер лирики Канапьянова оказал влияние на исповедальную форму монолога переходящего в диалог с имплицитным читателем и миром; 4) жанровая структура лирики казахского поэта конструируется синтезом лирической исповеди, социальной патетики и философских размышлений; 5) романтический хронотоп лирического мира Канапьянова — это «атрофия» границ прошлого, настоящего, будущего. И, наконец, исторические и культурные мифологемы в поэзии Канапьянова проявляют сущность социальных и национальных резонансных событий и явлений посредством стилизации восточной традиции и гиперболой соцреалистического канона.

Список литературы

1. Канапьянов Б. Светлячки // Нива. 2008. № 2. С. 89—119.
2. Канапьянов Б. Аист над Припятью: стихи и проза. Алматы: Жалын, 1987.
3. Капаруанов В. Bakhchisaray // Dewan Sastera, bil. 4, jilid 33. Kuala Lumpur, 2003, hlm. 51-53 (перевод на малайский В. Погадаева).
4. Канапьянов Б. Бахчисарай // Нива. 2003. № 12. С. 76—79.
5. Канапьянов Б. Кофе-брейк (Заметки, Эссе, Диалоги) // Простор. 2004. № 9. С. 57—131.
6. Канапьянов Б. Кыз-Жибек. Текст: лиро-эпическая поэма / пер. Б. Канапьянова. Алма-Ата, 1988.
7. Бадиков В. Линия судьбы: творчество Б. Канапьянова в историко-литературном контексте эпохи. Алматы, 2002.
8. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics 3: Speech arts. New York: Academic Press, 1975.
9. Eemeren F.H. Grootendorst van R. Speech Act Conditions as Tools for Reconstructing Argumentative Discourse // Argumentation, 3. Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 367—383.
10. Eemeren F.H. Grootendorst van R. S. Jackson. S. Jacobs. Reconstructing argumentative discourse. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1993.

11. *Grasso F., Cawsey A., Jones R.* Dialectical Argumentation to Solve Conflicts in Advice Giving: a case study in the promotion of healthy nutrition // *International Journal of Human-Computer Studies*. Vol. 53. № 6. 2000. P. 1077–1115.
12. *Канапьянов Б.* Векзамеры: Стихи. Алматы, 2003.

© Уразаева К.Б., Жаркынбекова Ш.К., 2018

История статьи:

Поступила в редакцию: 27.06.2018

Принята к публикации: 22.09.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Уразаева К.Б., Жаркынбекова Ш.К. Билингвизм и жанровый синтез лирики Бахытжана Канапьянова // *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2018. Т. 15. № 4. С. 605–617. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-605-617

Сведения об авторах:

Уразаева Куралай Бибиталыевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва. E-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, декан филологического факультета. E-mail: zharkynbekova_shk@enu.kz; zharkyn.sh.k@gmail.com

Bilingualism and Genre Synthesis of Lyric Poetry of Bakhytzhan Kanapyanov

K.B. Urazayeva, Sh.K. Zharkynbekova

L.N. Gumilyov Eurasian National University
2, Satpayev str., Astana, 010000, Kazakhstan

The article devoted to the study of an art bilingualism — its nature, structure — with the considerations of creation ways of a national world's picture. The problem research, which is based on the lyrical collection of Bakhytzhan Kanapyanov “Vekzametry”, gives a possibility to establishment of communication between genre synthesis of its poetry and traditions of the Kazakh mythology, the Kazakh folklore, the Russian literary traditions, including futurism and socialist realism, military lyrics and a political thaw culture.

The main aim of the article is developing a model of an art bilingualism. For this purpose it was required to describe the bilingual poet specifics of philosophical and world outlook system of thinking systemically and for the first time.

In order to solve the designated tasks, authors applied methods of the philological, formal and complex lyrical text analysis.

The research of Kanapyanov art bilingualism allows to reveal sources of genre synthesis, which is based on the original strategy system. Among them are: synthesis of symbolical images, metaphors of the Kazakh mythology and the hero-romantic epos, syllabic verse with poetics of the Russian futurism and with the tendencies of the socio-realistic plan.

The prevailing motives, subjects and lyrical plots of poetry of Kanapyanov were generalized. Signs of an autobiographical genre, combined with a form of a monologue and dialogue with the implicit reader and the world — were revealed. The chronotope of the lyrical world of Kanapyanov was characterized. Historical and cultural mythemes in Kanapyanov's poetry were shown in terms of the social and national resonant events. Connection with stylization of east tradition and a hyperbole of a socialist realism canon were established.

Obtained results introduce practical and theoretical value for application the techniques of the art text analysis, studying of modern Kazakh literature, for understanding the specifics of cross-cultural communication processes.

Key words: Kazakh poetry, art bilingualism, national picture of the world, Bakhytzhan Kanapyanov, genre synthesis

References

1. Kanapyanov, B. 2008. "Svetliachki" [Fireflies]. *Niva* 2: 89—119. Print. (In Russ.)
2. Kanapyanov, B. 1987. *Aist nad Pripiat'y: stikhi i proza* [Stork over Pripyat: Poetry and Prose]. Almaty. Print. (In Russ.)
3. Kanapyanov, B. 2003. *Bakhchisaray* [Bakhchisarai]. *Dewan Sastera* 4: 33. Kuala Lumpur.
4. Kanapyanov, B. 2003. *Bakhchisaray* [Bakhchisarai]. *Niva* 12: 76—79. Print. (In Russ.)
5. Kanapyanov, B. 2004. *Kofe-breik (Zametki, Esse, Dialogi)* [Coffee Break (Notes, Essay, Dialogues)]. *Prostor* 9: 57—131. Print. (In Russ.)
6. Kanapyanov, B. 1988. *Kyz-Zhibek. Tekst: liro-epicheskaia poema* [Kyz-Zhibek]. Alma-Ata. Print. (In Russ.)
7. Badykov, V. 2002. *Linia sud'by: tvorchestvo B. Kanapyanova v istoriko-literaturnom kontekste epohi* [The Line of Fate: the Works of B. Kanapyanov in the Historical and Literary Context of the Era]. Almaty. Print. (In Russ.)
8. Grice, H.P. 1975. "Logic and Conversation". *Syntax and Semantics* 3: Speech arts. New York. Print.
9. Eemeren, F.H. Grootendorst van R. "Speech Act Conditions as Tools for Reconstructing Argumentative Discourse". *Argumentation* 3. Netherlands: 367—383.
10. Eemeren, F.H., R.S. van Grootendorst, and Jacobs J.S. 1993. *Reconstructing Argumentative Discourse*. Tuscaloosa.
11. Grasso, F., A. Cawsey, and Jones R. 2000. "Dialectical Argumentation to Solve Conflicts in Advice Giving: a Case Study in the Promotion of Healthy Nutrition". *International Journal of Human-Computer Studies* 53 (6) 2000: 1077—1115.
12. Kanapyanov, B. 2003. *Vekzametry: Stihi* [Centurameter]. Almaty. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 27.08.2018

Accepted: 26.09.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Urazayeva, K.B., and Sh.K. Zharkynbekova. 2018. "Bilingualism and Genre Synthesis of Lyric Poetry of Bakhytzhan Kanapyanov". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 15 (4), 605—617. DOI 10.22363/2618-897X-2018-15-4-605-617

Bio Notes:

Kuralai B. Urazaeva is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov. E-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Sholpan K. Zharkynbekova is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Dean of the Faculty of Philology. E-mail: zharkinbekova_shk@enu.kz; zharkyn.sh.k@gmail.com